

Аветик
Исаакян



С
ЖАВОРОНКОМ
НА
ПЛЕЧЕ



*Издательство
„Детская литература“*

①



Аветик
Исаакян



С
ЖАВОРОНКОМ
НА
ПЛЕЧЕ

Стихи

*Ленинград
«Детская литература»
1978*

С (Арк) 2
И 85

*Перевод с армянского
Михаила Дудина*

Рисунки В. Алексеева

70803—179
И— — — — — 330—78
М101(03)—78

© Издательство «Детская литература», 1978 г.
Предисловие, перевод, иллюстрации, состав

С ЖАВОРОНКОМ НА ПЛЕЧЕ *

Поэзия есть праздник человеческого духа — самый удивительный праздник человека. На этом празднике блистают в первом ряду лучшие человеческие качества. Великодушные и доброты, нежность и мужество, талант и мастерство, чувство времени и гармонии, чувство родства с людьми и со звездами и — любовь.

Поэзия высоко нравственна и откровенна, и сам поэт прекрасен обнаженностью своего чувства.

Таким был и Аветик Исаакян — Человек-праздник, потому что он лучился поэзией, потому что она — Поэзия — по редчайшему стечению обстоятельств была его сущностью.

На примере его жизни мы можем уяснить себе примечательную истину, что великое дело переустройства мира надо начинать с самого себя.

На примере его творчества мы можем самым убедительным образом понять, что поэт — это не профессия, а Судьба, на которой время скрещивает все свои нервные каналы в один пульсирующий узел, связанный своими сигналами со всеми кораблекрушениями и катастрофами мира.

Все — суета. Все — проходящий сон.
И свет звезды — свет гибели мгновенной.
И человек — ничто. Пылинка в мире он.
Но боль его громаднее вселенной!

Это Аветик Исаакян скажет уже на склоне дней, умудренный опытом любви и познания. Истинный сын своего

* Впервые произнесено по армянскому телевидению в дни юбилея Аветика Исаакяна.

народа, верный сын человечества, он отличался особенной глубиной сочувствия человеческому страданию, равного по силе самому страданию.

Сочувствие не освобождает от страдания. Оно учит преодолению. И в этом его человечность.

Сам поэт признается в этом открыто и проникновенно:

Всей беспредельной тяжестью пространства
Вселенная в космической глуши
По странному закону постоянства
Висит на волоске моей души.

Вот какую ответственность брала его поэзия на себя. И вот что удивительно. Он справлялся с этой непомерной тяжестью, как некий Антей, поддерживая и сохраняя равновесие гармонии, и, сам того не замечая, он приобщал людей творчеством своим к гармонии человеческого братства. В этом его неоценимая заслуга перед поэзией, перед человечеством, мучительно ищущим мира.

И слова нашей признательности к нему всегда исполнены любви и нежности, как к чуду, посетившему нас. Он жил для людей, и связи его с миром просты и естественны, обычны и повседневны.

Но в этих связях всегда присутствует доля поэзии, возвышающая их своей особой проникновенностью и отчетливостью.

Его родина — древняя как мир Армения — была перекрестком веков и судеб, катастроф и взлетов, варварства и прозрения, и каждый камень на ее дорогах имеет следы крови и огня, след взгляда гения и мозолей строителя. Надо уметь только вглядываться в эти обожженные благословенным солнцем камни. Надо только уметь читать по этим камням живую душу истории народа, его борьбы и страданий, его мужества и

терпения, его неистребимой веры в торжество своей судьбы на Празднике Всеобщей Песни. Аветик Исаакян сам подчеркивает: «Чтобы быть художником, надо пить из всех родников культуры».

Он умел читать письмена судьбы своего народа и верил в торжество его мечты. Во дни и ночи своих скитаний по дорогам этого бесконечно древнего, вечно обновляемого молодостью мира и даже в Равенне, куда его забросила судьба скитальца и изгнанника, где «медь торжественной латыни поет на плитах, как труба», он видел свой Арарат в алмааном сверкании фирнового льда и тень века, скользнувшую по этому заоблачному льду. Он перед ним сиял всю жизнь призрачностью невозвратного прошлого и неопределенностью надежды грядущего.

Он все умел видеть из-под тяжелых, как бы вырубленных из камня, век своим по-детски доверчивым взглядом черных, как вечность, глаз, и кому выпало счастье наблюдать свет этих глаз, тот никогда не забудет завораживающего душу обаяния этого света.

В свете этих глаз всегда перемежалась верность простоте камня, благословенности солнца, волнению моря и таинству ночи.

Он был многообразен, этот прекрасный свет.

Дитя мира, верный сын своей Армении, Аветик Исаакян любил ее самой верной сыновьей любовью.

В самом начале нашего века в Женеве, где-то на мансарде или в подвале изгоя, он писал, обращаясь к своей возлюбленной Армении:

Родина! Горы твои — исполнены
За облаками встречают рассвет,
Реки журчат и смеются долины,
Но для детей твоих радости нет.

Родина! Если б владел я огнем
Тысячью жизней в придачу к одной, —
Тысячу жизней, как высшей святыне,
Отдал бы в жертву отчизне родной.

Тысячу жизней, как жертву, залогом
Жизни прекрасных твоих сыновей,
И лишь одну для себя, чтобы в строгом
Гимне сопутствовать славе твоей.

**И он сдержал слово, он отдал тысячу жизней своих песен
единственной любви — своей Армении.**

Раны — рождали песни. Песни — лечили раны.

**В этом было его призвание, его роль, исполненная добро-
го значения.**

Исаакян нес в себе все гены своего народа и не мыслил себя вне его. Где бы он ни находился, куда бы ни занесла его судьба гариба-странника, он нес в своей судьбе его судьбу верно и достойно. И он — народ, как бы в награду за это служение, принял судьбу поэта в свое бессмертие.

Его лирика — это внутренний разговор с самим собой, осененный искренностью и благородством. Она трогательна и светла. Она сильна своим непосредственным действием на человеческую душу.

Мне снился сон. Во сне плыла
Ночная улица рекою,
Там мать моя в толпе брела,
Как тень с протянутой рукою.

Она была — стара, слепа,
В оцепенении глубоком —
И равнодушная толпа
Ее толкала ненароком.

И плакал я во сне своем
И наяву — неутолимо.

А мы спешим своим путем —
Куда? Какого горя мимо? . .

Он предпочитал говорить негромко, но вразумительно. Это было свойством его таланта, его характера. В его стихах древний армянский язык звучит воистину сладостно и победно.

Я снова на земле своей родной.
И снова детским наблюдаю ваглядом
Свет чистых звезд из вечности. И рядом
Мир Чудом предстает передо мной.

Бежит, журча и веселясь, поток.
Как старый друг любви и удивленья,
Качая на зеркальности движенья
Моей судьбы ликующий цветок.

Щебечет птица в синей тишине,
И, не спеша, под бременем заботы,
Отец мой возвращается с работы
С надеждою своей наедине.

И милый голос входит в мой покой.
Зовет меня. Пора кончать забавы.
И мать, как солнце на вершине славы,
Меня ласкает легкою рукой.

Смеркается. Над старым очагом
Дымок струится, как душистый ладан.
Беседуют родные чинно, ладом,
И я дремлю, и сказки спят кругом.

И, кроме света этого огня
В пустынном мире горя и отравы, —
Ни женщины желанной, и ни славы,
Ни золота — не надо для меня.

Хотел бы я туда, в тепло и свет
Начальных дней, чтоб увидеть оттуда

Весь мир преобразующего Чуда
И тех, кого среди живущих нет.

Это чудесное стихотворение Исаакян написал в 1926 году, впервые приехав в родную Армению, где «труженик сам стал хозяином святого труда и честного хлеба своего».

Мне по-особому приятно здесь, на родине поэта, на этой каменной земле, которая еще хранит теплое прикосновение его пяток, вспомнить о том, что в моем городе на Неве гениальный поэт России Александр Александрович Блок с такой заинтересованной любовью переводил стихи своего брата Аветика Исаакяна, первым приобщая их к мировой культуре. Он счел нужным и необходимым, посылая эти переводы издателю, сопроводить их теперь уже всем известными словами: «Я не знаю, как вышел перевод, но поэт Исаакян — первоклассный; может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет». Стараясь быть точным, он вкладывал в эти переводы всю свою душу. Нам известно, что строгий и справедливый Александр Блок, тонкий знаток русской и мировой поэзии, обладающий проникновенным талантом предвидения, редко ошибался в своих оценках. Нам нечего прибавить к его оценке сегодня. Можно только сказать еще, что трогательному отношению Александра Блока к стихам Аветика Исаакяна, так же, как и гражданскому подвигу Валерия Яковлевича Брюсова, выпустившего в том же 1916 году антологию армянской поэзии, можно только поклониться и позавидовать. Нам легче теперь, чем Блоку и Брюсову, потому что у нас есть дорога, ими открытая. Мы берем их начало в пример для наших сегодняшних взаимосвязей, потому что знаем, что братство Поэзии есть ни что иное, как прообраз братства народов, о котором мечтал светлый разум Пушкина и в которое верил до отчаяния Аветик Исаакян.

Поэт большого масштаба, Аветик Исаакян был подлинным новатором. Он исповедовал, как мне кажется, самую древнюю традицию новаторства, ту, которой пользовались великие художники всего мира во все времена. Смысл этого новаторства прост: у прекрасной мысли всегда прекрасное выражение, ибо нет формы без содержания и духа без плоти. Этому он учился у трагической истории своей Армении и всего мира. Это он знал по колыбельной песне матери, по стихам Григора Нарекаци, Наапета Кучака и Саят-Новы, по откровениям Пушкина и Лермонтова, имя которого, по собственному признанию, не мог произносить без слез. Этому он учился у всего братства мировой поэзии, которую он знал и кислородом которой дышал в минуты вдохновения и безысходного горя.

Таким он был и другим быть не мог.

А как он любил — светло и нежно! К этой нежности даже боязно прикасаться — из таких тончайших нитей чувства она соткана.

Осанка этой шеи голой
В оправе жемчуга строга.
И, как по мрамору глаголы, —
По гордой шее жемчуга.

Их тусклый свет, их блеск печальный
Не из глубин седых морей —
Из горьких слез первоначальной
Любви и нежности моей.

Его любовь была озарена необыкновенным светом восторга, верности и самопожертвования, как будто он в самом деле перевоплощался в того бедуина, о котором писал:

Мираж возник в пустыне дикой.
И в образ женщины один
Всей безысходностью великой
Души влюбился бедуин.

И он пошел за ней по черной
Пустыне страха и тоски
И рухнул под колючки терна
На раскаленные пески.

И умер в жажде не напрасной
По человеческой весне.
И образ женщины прекрасной,
Как сон, в его витает сне.

Я вижу в чистой естественности интонации этого стихотворения, вспыхнувшего как костер на дороге, в этой совершенности соединения чувства, мысли и формы образец той возвышенной лирики, которая просветляет человеческую душу, открывает ей неизведанные высоты радости. Его любовь — это не убежище от земной скверны, нет — это реальность, расширяющая мир человеческого бытия, придающая человеку силу. Он верит во всепреображающую силу любви, как будто дает нам прекрасную возможность догадаться о том, что человек, не умеющий любить женщину, мать, друга, не может любить Родину, Землю, Человечество, весь этот поражающий нас мир жизни и движения, реальности и мечты.

Он вводит нас своей лирикой в богатый мир человеческой души, в мир познания чувства. И это прекрасно! В этом и есть подлинность поэзии.

Лирика Исаакяна мужественна и сердечна. С трибуны Всесоюзной конференции сторонников мира в 1949 году он скажет с присущей ему простотой и проникновенностью: «Мы хотим мира, потому что любим человечество, потому что мы любим наших матерей и детей». И это будет голос самой Армении. И это будет тоже поэзия, потому что подлинный поэт остается поэтом во всех проявлениях своей беспокойной души.

Я впервые приехал в Армению. Но я ее изучал по стихам армянских поэтов и, переводя на русский язык стихи Аветика Исаакяна, как бы проникал в самую суть души армянского народа. И это путешествие в глубины духовного мира поэзии было для меня праздником, как будто я был опять вместе с Аветиком Исаакяном. Это чудо сопереживания делало меня богаче и сильнее, и новые нити родства с поразительным миром поэзии приносили мне еще не испытанную радость какой-то новой причастности к жизни.

Еще в 1907 году, вдалеке от родины, размышляя о собственной судьбе, Аветик Исаакян как бы завещал нам свою волю:

Видишь, черный орел, гордый горный орел,
С высоты своего назначения,
Как терзает закона слепой призыв
Мое сердце в плену заточенья.

Мысль и слово, свободная песня любви
Опорочены смехом порока.
И мечты моей крылья, как звезды в крови,
Сбиты в прах мановением она.
Растерзай мою грудь, черный горный орел,
Вырви сердце и с ним поднимися
В синий мир, где алмазный зажег ореол
Млечный путь над вершиной Масиса.

Подними мое сердце и мир огляни,
Где оно бунтовало доньше.
И на самой вершине его схорони,
На великой могучей вершине.

Но мы не можем схоронить его сердце. Это не в нашей воле, потому что оно и сегодня живет и бьется, кровоточит и радуется вместе с нами. И мы благодарны ему за это.

Абул Ала Маари — дитя воображения, любви и тоски Аветика Исаакяна — по справедливости, как известно, полетел

в огненном плаще к бессмертному Солнцу. И полет его был величествен и победен. И, быть может, наши знатоки галактик найдут его след в космосе и назовут до сих пор не известную во Вселенной точку, излучающую непонятное тепло, его благородным именем.

Пусть будет так. Пусть его полет будет нескончаемым.

Но сам Аветик Исаакян остался на Земле со всей своей влюбленностью в ее весну, всей своей страстью неистребимой веры в ее совершенство. Он воображал ее в виде женщины, у которой на плече сидел жаворонок, а на груди пылала цветущая роза.

Вот он идет сам с жаворонком на плече и с красной розой на груди от души к душе по всей Армении, по всему миру. Идет, растворяясь в цветущем мире, и говорит — слушайте:

И волны моря, сердцу в лад звеня,
Поют во мне живыми голосами.
Вселенная заполнила меня,
И я един с землей и небесами.

Весна во мне. Я радуюсь опять
Ее животворящему приходу.
И сам благословляю, словно мать,
Великую и вечную природу.

Счастливым путь ему! Ему и его поэзии. Между ними нет различия.

Счастливым путь.

Он идет по миру. А когда устает, он забирается на пьедестал и, закинув руки за спину, придерживая плащ и трость, превращается в бронзового и задумывается о чем-то своем.

Но он спускается с пьедестала, непременно спускается, незаметно для нас, потому что он ему тесен, этот пьедестал, — и его надо искать среди людей. Только среди людей.

Михаил ДУДИН



**С ЖАВОРОНКОМ
НА ПЛЕЧЕ**







* *
*

Погоди, мое сердце, быть может, рассвет
Разгорится — и ярко по ясному следу
Засияют фиалки и, солнцу вослед,
Над проклятою тьмою, быть может, победу
Ты одержишь в борьбе. Не смирайся, держись
До последнего вздоха надежды, и, может,
Горизонт разойдется и горькая жизнь
Улыбнется... Какая змея тебя гложет?
Иль тебе не под силу сомненье твое
И жестокая скука? Иль язва измены
Отравила священной любви бытие?
... Что ж! Страдай и надейся...

1892

Александрополь





* *
*

Хочешь — я росую в очи
Просверкаю ярче гроз?
Пробегу дыханьем ночи
По копне твоих волос?

Хочешь — вспыхну сердца рядом
Розой в царственном венце,
Солнца утреннего взглядом
Заиграю на лице?

Хочешь — деревом и тенью
Стану и среди ветвей
Дам укрыть вдохновенью
Птиц над головой твоей?

Хочешь — буду кем угодно —
Тьмою ночи, светом дня,
И скалой, и гладью водной, —
Только ты люби меня!

1892
Арч



* *
*

Мое сердце — это небо,
И любая жизнь земная
В нем свою звезду имеет,
Свой престол имеет в нем.

Мое сердце — это небо,
Мое сердце дарит щедро:
Аромат — цветам весенним,
Жизнь — безжизненной пустыне
Обездоленного сердца,
Юным девушкам — любовь.

Мое сердце — это небо.

1893
Тифлис



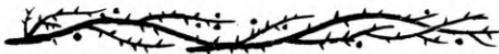


* *
*

Жизнь! За тебя готовый к бою,
Стою я твердо, как скала.
Грохочет гром над головою —
Стою я твердо, как скала.
Бушует буря подо мною —
Стою я твердо, как скала.
Волна — к волне! И нет подмоги —
Стою я твердо, как скала.
Плыви ко мне! Среди тревоги
Стою я твердо, как скала.
Бросай свой якорь мне под ноги —
Стою я твердо, как скала!

1894
Лейпциг





* *
*

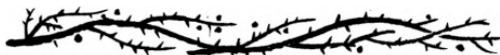
Крепка в окне решетка.
Через ночную тьму
Звезда печали кротко
Глядит в мою тюрьму.

И плачут мать с сестрою
В отеческом дому
Под этою звездою
По сердцу моему.

1896
Ереван







* *
*

Бойся глаз чернее ночи,
Глаз темней, чем смертный час, —
Тьма погибель напророчит;
Опасайся черных глаз.

Черный взгляд острей кинжала
Заглянул мне в душу раз —
И душа моя пропала...
Опасайся черных глаз.

1897

Александрополь





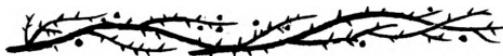
* *
*

У людей и у птиц есть друзья до поры.
Я — один, и бездомно мое бытие.
Боль на сердце моем тяжелее горы
И темнее и глубже ущелий ее.
Ты сама мне сказала: «Уйди, пропади!» —
А куда я пойду, и любя и скорбя?
Эта боль от тебя. Для меня впереди
Нет от боли спасителя, кроме тебя.

1897

Александрополь



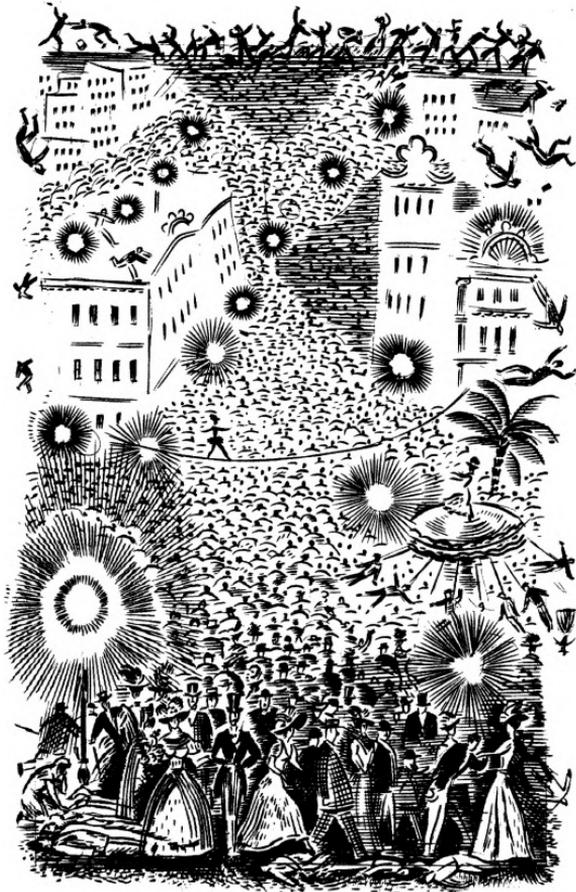


* *
*

Холодный ветер желтым ивам
Срывает праздничный наряд.
И листья под его порывом
На землю грустную летят.
И только ворон в голой кроне
Сидит, как черный господин,
Да я, прижав к груди ладони,
На вашу дверь гляжу один.

1897







* *
*

Мне снился сон. Во сне плыла
Ночная улица рекою,
И мать моя в толпе бреда,
Как тень с протянутой рукою.

Она была — стара, слепа,
В оцепенении глубоком —
И равнодушная толпа
Ее толкала ненароком.

И плакал я во сне своем
И наяву — неутолимо.
А мы спешим своим путем —
Куда? Какого горя мимо? . .

1898
Одесса





* *
*

**Мне снилось море. В нежной
Лазури день дрожал.
На полосе прибрежной
Я раненый лежал.**

**Вдыхая, море млело
В раздумии своем,
Явила рана тело
Из глубины огнем.**

**И светлый голос жизни
Летел из-за морей
От берегов Отчизны,
От Матери моей.**

1898





* *
*

Луна, как лебедь, стороной
Плывет дорогой сонной.
Двор как колодец под луной
От тишины бездонной.

Но сердце у меня в груди
Тревогой неизменной
На всю вселенную гудит,
Как колокол вселенной.

1898





* *
*

Родина! Горы твои — исполины
За облаками встречают рассвет.
Реки журчат, и смеются долины,
Но для детей твоих радости нет.

Родина! Если б владел я отныне
Тысячью жизней в придачу к одной, —
Тысячу жизней, как высшей святыне,
Отдал бы в жертву отчизне родной.

Тысячу жизней, как жертву, залогом
Жизни прекрасных твоих сыновей,
И лишь одну для себя, чтобы в строгом
Гимне сопутствовать славе твоей.

И восславлять тебя так же, как вестник
Юной весны в обновленном краю
Славит свободно ликующей песней
Солнце любви и свободу свою.

1900
Женева



* *
*

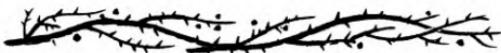
Гордой молодости годы
Промелькнули, как звезда.
И любовь моей свободы
С ними скрылась навсегда.

Не оставили на камне
Камня слезы от потерь.
Плачь не плачь, а те года мне
Не вернуть уже теперь.

1904







* *
*

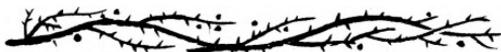
**Мираж возник в пустыне дикой.
И в образ женщины один
Всей безысходностью великой
Души влюбился бедуин.**

**И он пошел за ней по черной
Пустыне страха и тоски
И рухнул под колючки терна
На раскаленные пески.**

**И умер в жажде ненапрасной
По человеческой весне
И образ женщины прекрасной,
Как сон, в его витает сне.**

1904





* *
*

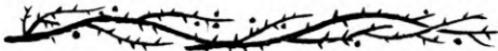
Мое сердце на горных вершинах,
Где в сплетении молний и мглы
Дерзновенно и неустрашимо
С ураганами спорят орлы.

Вы, властители жизни и смерти,
Храбрецы самого мятежа,
Перед вами склоняясь, очертит
Славой подвиги ваши душа!

Вы есть дух и надежда народа.
И с оружием держит рука
Твой светильник горящий, Свобода,
Озаряющий жизнь на века.

Пусть на землю сойдут ураганы,
Старой скверны развеют туманы,
Разобьют палача реквизит.
И душа над печалью насилья
Вскинет мысли бессмертные крылья
И как молния зло поразит.

1906
Ереван



* *
*

Видишь, черный орел, гордый горный орел,
С высоты своего назначения,
Как терзает закона слепой произвол
Мое сердце в плену заточенья.

Мысль и слово, свободная песня любви
Опорочены смехом порока.
И мечты моей крылья, как звезды в крови,
Сбиты в прах мановением ока.

Растерзай мою грудь, черный горный орел,
Вырви сердце и с ним поднимися
В синий мир, где алмазный зажег ореол
Млечный путь над вершиной Масиса.

Подними мое сердце и мир огляни,
Где оно бунтовало донныне.
И на самой вершине его схорони,
На великой могучей вершине.

1907





* *
*

Под лаской солнца синяя вода
Сверкает в море, обнажив глубины.
И облаков серебряных гряда
Венчает гор хрустальные вершины.

И караваны милых журавлей
Несут весну. И от родного клика
Тепло земли восходит от полей
И зацветает горная гвоздика.

И лес звенит. И в зелени ветвей
В истоме сладкой замирает птица.
И сердце замирает вместе с ней
И мечется, чтоб в песне воплотиться.

И я лечу. И, с ветром на лету
Невидимой соединенный тканью,
Я растворяюсь в мире и цвету
С могучим дубом, с бабочкой и ланью.

И волны моря, сердцу в лад звеня,
Поют во мне живыми голосами.

**Вселенная наполнила меня,
И я един с землей и небесами.**

**Весна во мне. Я радусь опять
Ее животворящему приходу.
И сам благословляю, словно мать,
Великую и вечную природу.**

1908





* *
*

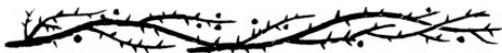
Весна-красна зеленой ранью
По мягким радугам в лугах,
Мир овея лунной тканью,
Прошла с фиалками в руках.

Она достигла тайной цели
На голубой вершине дня.
Но птицы радостно запели
Свой гимн любви не для меня.

Всем жадным сердцем, полным пыла,
Я потянулся на огонь
Ее любви, но сердце было
Пустым, как нищего ладонь.

1908





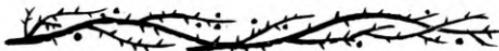
* *
*

Забывтый всеми холм в пустынном поле,
Безлюдие и тишина кругом.
Кто этот прах здесь схоронил на воле?
Кто плакал здесь на камне гробовом?

Века идут беззвучным шагом мимо;
И жаворонки славят торжество
Земной весны. Вокруг необозримо
Цветут поля... А кто любил его?..

1909
Тифлис





* *
*

И вот я изгнан на года
От своего порога
И сам не ведаю, куда
Ведет меня дорога.

Кому скажу свою беду,
Земли бесправный житель,
И где, в каком краю найду
Последнюю обитель?

Темно. Заносит мокрый снег
По прошлому поминки.
И нет надежды на ночлег,
И не видать тропинки.

И, как спасения намек,
В холодной, мгlistой дали
Не светит тусклый огонек
Лампадою печали.

Лишь только ветер и пурга.
Метель тоски и боли.
... Я не желаю для врага
Такой бездомной доли.

1910





* *
*

Любимая! Изгиб твоих бровей —
Меч палача над головой моей.

Мир — лживый сон — и суетен и пуст.
Любимая! Одна мольба в груди:
Дай мне испить твоих прекрасных уст
Прекрасное вино и — голову руби!

Любимая! Изгиб твоих бровей —
Меч палача над головой моей.

1912
Измил





* *
*

Бежит вода.
Ручей журчит.
Там ива, как беда,
Молчит.

Мечта не ждет —
Путем простым
Придет, уйдет
И — след простыл.

Льет слезы ива.
Мир жесток.
Игриво
Пенится поток.

1916





* *
*

Обними. И тогда
Я почувствую вновь,
Что разлуки года
Не убили любовь.

Улыбнись. И на миг
Засмеется кругом
Мир, как звонкий родник
За родным очагом.

Слово молви. И колос
В полях зашумит,
И томительный голос
В душе защежит.

Осторожно погладь
По моей седине,
Чтобы детство опять
Воротилось ко мне.

1919



* *
*

Осанка этой шеи голой
В оправе жемчуга строга.
И, как по мрамору глаголы, —
По гордой шее жемчуга.

Их тусклый свет, их блеск печальный
Не из глубин седых морей —
Из горьких слез первоначальной
Любви и нежности моей.

1919





* *
*

Я на мосту Риальто встретил
Твой тонкий стан, твой легкий шаг,
Ночной поток волос, как ветер
В лицо, и — яхонты в ушах.

Два черных солнца из-под черных
Бровей. Их радость и печаль.
В цветах и звездах с непокорных
Плеч ниспадающую шаль.

Два наших взгляда — пламя в пламя —
И тень смущенья, и за ней
Свет промелькнувшей между нами
Улыбки женственной твоей.

Я не наивен. В сердце скрыто
Смятенье опытом тоски,
А сердце юное разбито
Таким же взглядом на куски.

1925
Венеция





АНИ

Здесь предки возводили ввысь
Седые стены в дальней рани,
Здесь облекалась плотью мысль,
Являя будущего грани.

Ты как сокровище Земли,
Как беспокойный дух народа,
И в исторической дали
Твоя таинственна природа.

Приблизясь к твоему столпу,
Я наблюдаю вещим оком
Событий пеструю толпу
В течение времени глубококом.

Надвинув шлем, готовясь в бой,
Точу копье, как мне сдается,
И чутко слушаю с тобой
Призывный голос полководца.

Там племя лютое идет
Потопом новых поколений,

Уже грозя зажать под гнет
Твой гордый дух и светлый гений.

Их тьма. И каждый варвар лих.
Их кони мчатся, словно птицы,
И топчут на полях твоих
Литое золото пшеницы.

Века идут. И льется кровь.
И, подчиняясь горна знаку,
Сраженный оживает вновь
И поднимается в атаку.

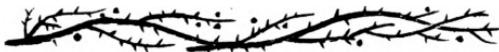
Ани, ты видишь страх в очах,
И тень тревожную с рассвета,
И затухающий очаг
Огня священного обета.

Ты — наше Знамя и Алтарь.
И наша сила, непокорна,
Ждет, собираясь, как и встарь,
Призыва праведного горна.

1926

Венеция





В РАВЕННЕ

На вершине Арарата в снег
На мгновение опустился век
И ушел.

Осветила молнии струя
Чистого алмаза острия
И ушла.

Смертный взгляд, наполненный тоской,
Обращал к вершине род людской
И ушел.

Твой черед на твой ложится путь:
На вершину гордую взглянуть —
И пройти.

1926
Равенна







ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Я снова на земле своей родной.
И снова детским наблюдаю взглядом
Свет чистых звезд из вечности. И рядом
Мир Чудом предстает передо мной.

Бежит, журча и веселясь, поток,
Как старый друг игры и удивленья,
Качая на зеркальности движенья
Моей судьбы ликующий цветок.

Щебечет птица, в синей тишине,
И, не спеша, под бременем заботы,
Отец мой возвращается с работы
С надеждою своей наедине.

И милый голос входит в мой покой.
Зовет меня. Пора кончать забавы.
И мать, как солнце на вершине славы,
Меня ласкает легкою рукой.

Смеркается. Над старым очагом
Дымок струится, как душистый ладан.

Беседуют родные чинно, ладом,
И я дремлю, и сказки спят кругом.

И, кроме света этого огня
В пустынном мире горя и отравы, —
Ни женщины желанной, и ни славы,
Ни золота — не надо для меня.

Хотел бы я туда, в тепло и свет
Начальных дней, чтоб увидеть оттуда
Весь мир преобразующего Чуда
И тех, кого среди живущих нет.

1926
Ереван



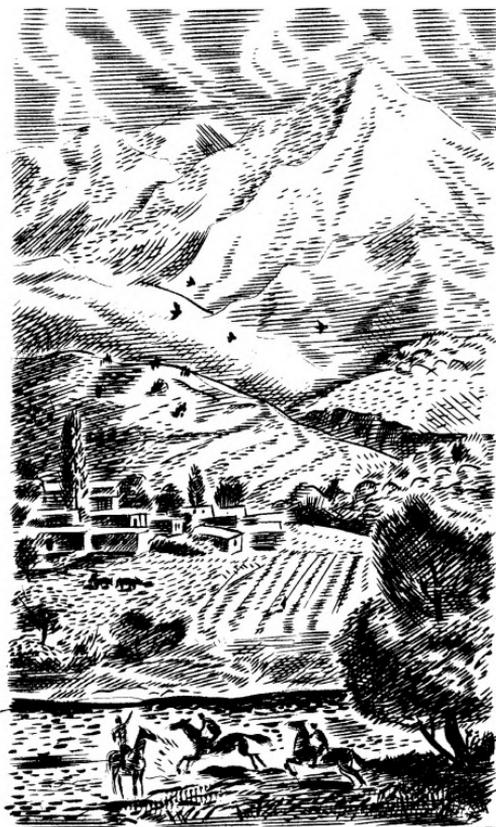


* *
*

Тот дуб, что станет гробом мне
Прощанья в час печальный,
Еще листвою по весне
Ликует в роще дальней,
Но шелестит его тоска
О том, что смерть моя близка.

1928







ДЕТСТВО

Пылало солнце. Тенью злаков
Играла речка — радость всех.
И красных роз и красных маков
Переливался красный смех.

Сливалось жаворонка пенье
С призывным ржанием коней.
Кипело зелени цветенье,
И крылья ветра бились в ней.

И речка обдавала тело
Брызг изумрудною росой,
И детство песней отзвенело
Под солнцем радости босой.

1930

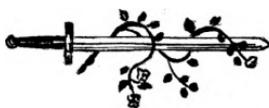




* *
*

**Всей беспредельной тяжестью пространства
Вселенная в космической глуши
По странному закону постоянства
Висит на волоске моей души.**

1932





* *
*

С друзьями детских игр на вольной воле
Под светлым небом беспечальных дней
Мы, деревянных оседлав коней,
Безумно мчались через гумна в поле,
К далеким странам сказки и мечты,
В прекрасные края воображенья.
... Потом я видел взлеты и крушенья,
Пересекал границы и мосты,
Блеск совершенства в чуждой стороне
Завистливую память отметил,
Но тех миров, тех дивных стран не встретил,
Где я скакал на сказочном коне.

1935





* *
*

**Все — суета. Все — проходящий сон.
И свет звезды — свет гибели мгновенной.
И человек — ничто. Пылинка в мире он.
Но боль его громаднее вселенной!**

1947







СОДЕРЖАНИЕ

С жаворонком на плече. <i>М. Дудин</i>	5
«Погоди, мое сердце, быть может, рассвет...»	17
«Хочешь — я росую в очи...»	18
«Мое сердце — это небо...»	19
«Жизнь! За тебя готовый к бою...»	20
«Кренка в окне решетка...»	21
«Бойся глаз чернее ночи...»	23
«У людей и у птиц есть друзья до поры...»	24
«Холодный ветер желтым ивам...»	25
«Мне снился сон. Во сне плыла...»	27
«Мне снилось море. В нежной...»	28
«Луна, как лебедь, стороной...»	29
«Родина! Горы твои — исполины...»	30
«Гордой молодости годы...»	31
«Мираж возник в пустыне дикой...»	33
«Мое сердце на горных вершинах...»	34
«Видишь, черный орел, гордый горный орел...»	35
«Под лаской солнца синяя вода...»	37
«Весна-красна зеленой ранью...»	39
«Забывтый всеми холм в пустынном поле...»	40
«И вот я изгнан на года...»	41

«Любимая! Изгиб твоих бровей...»	43
«Бежит вода...»	44
«Обними. И тогда...»	45
«Осанка этой шеи голой...»	46
«Я на мосту Риальто встретил...»	47
Ани	49
В Равенне	51
Дым отечества	53
«Тот дуб, что станет гробом мне...»	55
Детство	57
«Всей беспредельной тяжестью пространства...»	58
«С друзьями детских игр на вольной воле...»	59
«Все — суета. Все — проходящий сон...»	60



ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Аветик Исаакян

**С ЖАВОРОНКОМ
НА ПЛЕЧЕ**

Ответственный редактор Н. П. Крышук.
Художественный редактор Б. Г. Смирнов.
Технический редактор Э. П. Коренюк.
Корректоры Л. Л. Бубнова и В. Г. Шишкина.

ИБ 2571

Сдано в набор 9/XII 1977 г. Подписано к печати 2/X 1978 г. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага офсетная № 1. Шрифт обыкновенный новый, печать офсетная. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2,8. Уч.-изд. л. 1,42. Тираж 75 000 экз. Заказ № 463. Цена 5 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Исаакян Аветик

И 85 С жаворонком на плече. Стихи. Предисловие и перевод с армянского М. Дудина. Рисунки В. Алексеева. Л., «Дет. лит.», 1978.— 63 с., ил.

Стихотворения выдающегося армянского поэта Аветика Исаакяна в переводах Михаила Дудина.

С (Арм).

5 коп.

